

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-399-419

**«Чаша из черепа князя Святослава»:
«неявный» сюжет в «древнерусском» цикле
Виктора Сосноры**

Татьяна Ивановна Ковалева¹, Игорь Евгеньевич Лоцилов²

^{1,2} Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹ tkvl@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7165-3186>

² loshch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

Аннотация

«Чаша из черепа» — устойчивый, периодически встречающийся мотив русской поэзии. «Древнерусский» цикл В. Сосноры демонстрирует необычное проявление этого мотива. Впервые цикл был опубликован в сборнике «Январский ливень» (1962), в окончательной версии он стал самостоятельной книгой «Всадники» (1969). При анализе входящего в обе версии цикла стихотворения «За Изюмским бугром» выявляется «скрытый» сюжет «Повести временных лет» о чаше из черепа князя Святослава. Он входит в произведение через память о стихотворении Хлебникова «Кубок печенежский» («Написанное до войны»). Читатель встречается с этим сюжетом в «Январском ливне» в композиционном центре цикла или же, как со своего рода фантомным, призрачным эпиграфом ко всему циклу, в версии «Всадников».

Ключевые слова

стихотворение В. Сосноры «За Изюмским бугром», стихотворение В. Хлебникова «Кубок печенежский», «Повесть временных лет», чаша из черепа князя Святослава

© Ковалева Т. И., Лоцилов И. Е., 2026

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания ФГБУН ИФЛ СО РАН (FWZU-2026-0001: «Сюжетно-мотивные комплексы русской литературной эпики: синтез исторического, утопического, фантастического»).

Для цитирования

Ковалева Т. И., Лоцилов И. Е. «Чаша из черепа князя Святослава»: «неявный» сюжет в «древнерусском» цикле Виктора Сосноры // Критика и семиотика. 2026. № 1. С. 399–419. DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-399-419

“The skull cup of prince Svyatoslav”: an “implicit” plot in V. Sosnora’s “Old Russian” cycle

Tatiana I. Kovaleva¹, Igor E. Loshchilov²

^{1,2} Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

¹ tkvl@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7165-3186>

² loshch@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3642-2590>

Abstract

“The skull cup” is a persistent, recurring motif in Russian poetry. V. Sosnora’s “Old Russian” cycle demonstrates an unusual manifestation of this motif. This cycle was first published in the collection “January shower” (1962) and in its final version as a standalone book, “The riders” (1969). An analysis of the poem “Behind the Izyum hill” from the cycle reveals a “hidden” plot of “The Russian primary chronicle” about the cup made from Prince Svyatoslav’s skull. This plot enters the work through the memory of poem “The Pecheneg cup.” The reader encounters it in “January shower” as the compositional center of the cycle or in the version of “The riders” as a kind of phantom, ghostly epigraph to the whole cycle.

Keywords

V. Sosnora’s poem “Behind the Izyum hill,” V. Khlebnikov’s poem “The Pecheneg cup,” “The Russian primary chronicle,” the cup made from the skull of prince Svyatoslav

Acknowledgements

This research was conducted within the framework of the state assignment for the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (FWZU-2026-0001: “Plot and Motif Complexes of Russian Literary Epics: A Synthesis of Historical, Utopian, and Fantastic Narratives”).

For citation

Kovaleva T. I., Loshchilov I. E. “The skull cup of prince Svyatoslav”: an “implicit” plot in V. Sosnora’s “Old Russian” cycle. *Kritika i Semiotika [Critique and Semiotics]*, 2026, no. 1, pp. 399–419. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2026-1-399-419

Обычай делать чашу из черепа противника, как отмечала Р. С. Липец, «...был широко распространен и в исторической действительности, и в эпосе... <...> Стремление подчеркнуть свою победу, воспользоваться посмертно свойствами врага и почитание его храбрости слились воедино в воинских обычаях и военной магии... <...> При этом, так как ценилась голова именно храбрых воинов, т. е. обладающих наиболее нужным в воинской среде качеством, нередко и пить из такой чаши давали только „хорошим воинам“» [Липец, 1977, с. 250–252]. Голова врага была сакральным предметом, и овладевший ею получал жизненную силу, ум и храбрость противника. Сюжет о чаше, изготовленной из чьего-либо черепа, встречается в разных культурах, его можно уложить в следующую схему: убийство врага — изготовление ритуальной чаши из его черепа — использование чаши как сосуда для вина.

Чаша, сделанная из человеческого черепа, — устойчивый, периодически встречающийся мотив русской поэзии. Об истории его происхождения в Повести временных лет (далее — ПВЛ) и в значительно более архаических источниках писали А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский [Литвина, Успенский, 2019, с. 72–125]. В русской поэзии XIX–XX вв. он также получил некоторое распространение, от стихотворения Алексея Мерзлякова «Мячковский курган» (1805) до наших дней. Жизни мотива в поэзии эпохи модернизма посвящена статья Е. В. Кузнецовой [Кузнецова, 2017]. Часть вариаций образа восходит к западноевропейским источникам, однако в большинстве случаев сохраняется связь с сюжетом из ПВЛ.

Как отмечают А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, срок его жизни «в европейской письменной традиции насчитывает не одно тысячелетие — в некоторые эпохи (в частности, неожиданным образом в Новое время) приобретает весьма могущественный эмоциональный, если так можно выразиться, креативный импульс. Этот сюжет не только весьма охотно тиражируется в поэзии и прозе XVIII–XX вв., но и сегодня, в XXI в., сохраняет своеобразную свежесть „шокового восприятия“» [Литвина, Успенский, 2019, с. 72]. Достаточно вспомнить о резонансе стихотворения Юрия Кузнецова «Я пил из черепа отца...» (1977), породившем целую

полемическую литературу, где обсуждалась этическая допустимость подобного рода образов, и шквал более или менее остроумных пародий и реплик; комические интерпретации образа известны от сатиры Аркадия Родзянко «Два века» (1822) до «Песни про нечисть» Владимира Высоцкого (1966).

Наше внимание привлёк гораздо более тонкий и сложный случай. Мы имеем в виду стихотворение Виктора Сосноры «За Изюмским бугром» (1959), где сюжет о чаше из черепа, а точнее — о чаше из черепа князя Святослава, погибшего от руки печенежского хана Кури, не проявлен, но может возникнуть в сознании читателя как ассоциативный ореол. Нет сомнений, что рассказ об этом событии присутствовал в творческой памяти поэта, так как ПВЛ, содержащая его под 6480 (972) г., — одно из основных сочинений, наряду со «Словом о полку Игореве», по мотивам которого написана первая поэтическая книга Сосноры «Всадники» (1969).

Приведем рассказ ПВЛ: «Веснѣ же приспѣвѣши, в лѣто 6480, поиде Святославъ в пороги. И нападе на нь Куря, князь печенѣжский, и убиша Святослава, и взяша главу его, и во лбѣ его съдѣлаша чашю, оковавше лобъ его, и пяху из него» [ПВЛ, ч. 1, с. 53]¹. Гибель Святослава Игоревича от руки печенежского хана — конфликт, показывающий нарастание конфронтации между Русью и Степью, находившимися до этого в военном союзе (подробнее о русско-печенежских взаимоотношениях см.: [Киселева, 2008]). Он произошел после заключения мирного договора между Святославом и византийским императором Иоанном Цимисхием в июле 971 года: «Как мы знаем из летописей, киевский князь отправился на Дунай по просьбе Византии, которая хотела вернуть себе контроль над болгарскими землями. Но, захватив эту территорию, Святослав решил превратить ее в центр своего государства. Эти планы, безусловно, серьезно ущемляли интересы печенежского объединения... <...> Сами ли печенеги распознали эту опасность или им объяснила ее Византия — неизвестно. В любом случае действия Святослава были расценены кочевниками как предательство... <...> Для самого же Святослава конфликт с номадами

¹ «В год 6480, когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него» [ПВЛ, ч. 1, с. 250].

закончился трагически. Во время прохождения днепровских порогов он был убит степняками» [Там же, с. 323].

«За Изюмским бугром» — единственное стихотворение «древнерусского» цикла, отсылающее к истории русско-печенежских войн. В книге «Всадники» (1969) оно открывает цикл. При первой публикации избранных стихотворений по мотивам древнерусской словесности в сборнике «Январский ливень» (1962) оно занимало место в композиционном центре подборки и давало ей название.

За Изюмским бугром

За Изюмским бугром
 побурела трава,
был закат не багров,
 а багово-кравав,
желтый, глиняный грунт
от жары почернел.

Притащился к бугру
богатырь печенег.

Пал ничком у бугра
в колосящийся ров,
 и урчала из ран
 черно-бурая кровь.

Печенег шел на Русь,
 в сталь
 и мех наряжен,
только не подобру
 шел —
 с ножом на рожон,
не слабец и не трус, —
 получился просчет...
И кочевнику Русь обломала плечо.

Был закат не багров,
 а багово-кравав.

За Изюмским бугром
 побурела трава.
 Солнце
 четкий овал
 задвигало за гать.
 Печенег доживал
 свой последний закат
 [Соснора, 1962, с. 78–79; 1969, с. 11–12].

В стихотворении дан обобщенный образ побежденного русскими войсками степного народа: «Печенег шел на Русь / в сталь / и мех наряджен <...> / И кочевнику Русь обломала плечо» (слово «обломала» вызывает в языковой памяти просторечное выражение «обломать рога» со значением «проучить»). Окончательное поражение потерпели кочевники в 1036 г. [см.: Киселева, 2008, с. 325].

Летописная история о чаше из черепа князя Святослава в стихотворении Сосноры не отражена. Однако, как нам видится, она присутствует в подтексте как «неявный» план — предыстория описываемой победы над печенегами, и память о ней вовлекается через несколько произведений Велимира Хлебникова, где присутствует печенежская тема.

Поэтика «Всадников» не оставляет сомнений в том, что поэзия Хлебникова была хорошо знакома Сосноре ко времени создания цикла. Ее влияние ощущается на протяжении всего творческого пути поэта. Поэтесса Галина Гампер, дружившая с Соснорой с середины 1970-х гг. и до конца жизни, вспоминает: «Правда, Пушкина он все же признавал... Третьим гением был он сам. После Велимира Хлебникова. Пушкин — Хлебников — Соснора» [Гампер, 2025, с. 233].

Стихотворение Хлебникова «Кубок печенежский» (1913) было впервые опубликовано в 1916 г. в футуристическом сборнике «Четыре птицы» под редакторским названием «Написанное до войны» (в современных изданиях авторское название восстановлено по копии раннего автографа [см. Бурлюк, 1994, с. 290, 362]). Приведем его текст по довоенному пяти-томнику:

Написанное до войны

«Что ты робишь, печенеже,
 Молотком своим стуча?»
 «О, прохожий, наши вежи

Меч забыли для мяча.
В день удалого похода
Сокрушила из засады
Печенегова свобода
Святославовы насады.
Он в рубахе холщевой,
Опоясанный мечом,
Шел пустынной бичевой.
Страх для смелых нипочем!
Кто остаться в Перемышле
Из-за греков не посмели,
На корму толпою вышли —
Неясны видны мели.
Далеко та мель прославлена,
Широка и мрачна слава,
Ныне снова окровавлена
Светлой кровью Святослава.
Чу, последний, догоняя,
Воин дальнего вождя,
Крикнул: „Дам, о князь, коня я,
Лишь беги от стрел дождя!“
Святослав, суров, окинул
Белым сумраком главы,
Длинный меч из ножен вынул
И сказал: „Иду на вы!“
И в трепет бросились многие,
Услыша знакомый ответ.
Не раз мы, в увечьях убогие,
Спасались от княжеских чет.
Над смущенною долиной
Он возникнул как утес,
Но прилет петли змеиный
Смерть воителю принес.
„Он был волком, не овечкой!“
Степи молвил предводитель:
„Золотой покроей насечкой
Кость, где разума обитель.
Знаменитый сок Дуная
Наливая в глубь главы,
Стану пить я, вспоминая
Светлых клич: «Иду на вы!»<<>

— Вот зачем сижу я, согнут,
Молотком своим стуча.
Знай, шатры сегодня дрогнут,
Меч забудут для мяча.
Степи дочери запляшут,
Дымом затканы парчи,
И подковой землю вспашут,
Славя бубны и мячи»

[Хлебников, 1930, с. 222–223].

В описаниях персонажей и их смертей у Хлебникова и у Сосноры видны общие подробности. Например, акцентируется внимание на внешнем виде князя Святослава и печенег, их одежде и оружии: «Печенег шёл на Русь, / в сталь / и мех наряжён, / только не подобру / шёл — / с ножом на рожон» («За Изюмским бугром»). — «Он в рубахе холщевой, / Опоясанный мечом, / Шел пустынной бичевой» («Кубок печенежский»). Указано место гибели персонажей (у Сосноры — это Изюмский бугор, у Хлебникова — у Днепровских порогов, по ПВЛ): «Пал ничком у бугра / в колосющийся ров, / и урчала из ран / черно-бурая кровь» («За Изюмским бугром»). — «Далеко та мель прославлена, / Широка и мрачна слава, / Ныне снова окровавлена / Светлой кровью Святослава» («Кубок печенежский»).

Однако по колориту и отдельным деталям образы умирающего печенег и князя Святослава противоположны. У Сосноры печенег умирает на Руси, у Изюмского бугра, т. е. у современной горы Кременец². Образ дан с «русской» точки зрения. П. И. Тартаковский отметил, что у Хлебникова в «Кубке печенежском» «...сделана попытка взглянуть на знаменитого исторического героя несколько иначе — встать по „ту сторону“ русско-восточного барьера и воссоздать черты облика и характера храброго воина Киевской Руси <...> с точки зрения человека Древнего Востока» [Тартаковский, 1987, с. 93–94]. В стихотворении Сосноры богатое одеяние печенег по ассоциации может вызвать образ его антагониста — князя Святослава, одетого просто: «Печенег шел на Русь, / в сталь и мех наряжен» («За Изюмским бугром») — «Он в рубахе холщевой» («Кубок

² Название *Изюмский бугор* рассмотрено нами в статье: [Ковалева, Лоцилов, 2026].

печенежский»). Возможно, наиболее значимым моментом, способным вызвать у читателя Сосноры память об образах Хлебникова, является цвет крови печенега: «и урчала из ран / черно-бурая кровь». У Хлебникова в стихотворении — смысловой контраст: «Ныне снова окровавлена / Светлой кровью Святослава». Комментарий П. И. Тартаковского к этому месту гласит: «Повтор понятия „светлый“ призван, очевидно, подчеркнуть контраст между „кровью“ (т. е. национальным признаком) русских и детей степи» [Там же, с. 102]. При этом он отмечает еще одну строку: «Светлых клич: „Иду на вы!“». Это легендарный клич, принадлежащий Святославу Игоревичу, прославившемуся тем, что перед началом военных действий он посылал гонца к врагу с кратким посланием: «Хочю на вы ити» [см.: ПВЛ, ч. 1, с. 46].

В стихотворении Хлебникова, начиная с позиции изложения, много деталей, отсутствующих в рассказе ПВЛ: описание одежды Святослава, аркан — элемент снаряжения печенежского воина, игра в мяч, связанная у многих народов с ритуально-мифологическим контекстом и др. Однако в основе стихотворения лежит приведенный ранее летописный рассказ. По этому поводу П. И. Тартаковский пишет: «...именно стремление поэта сохранить эту верность фактологии летописи в значительной степени имплицировало у него и спонтанное воссоздание поэтики не только „Повести временных лет“, но и вообще всей древнерусской литературы, которую он знал блестяще. Из нее выбираются и сюжеты, и характеры, и эмблематическая образность, и стилевые особенности „русско-восточных“ исторических произведений» [Тартаковский, 1987, с. 101].

Во втором томе довоенного «Собрания произведений» Хлебникова был дан общий комментарий ко всем десяти стихотворениям из сборника «Четыре птицы», и сюжет «Написанного до войны» («Кубка печенежского») не разъяснялся. Однако в большой том «Избранных стихотворений» и в томик из «малой серии» «Библиотеки поэта» Н. Л. Степанов включил достаточно подробную справку: «С в я т о с л а в — киевский князь (X в.), воевавший с греками, убитый и обезглавленный на днепровских порогах печенегами, хан которых, согласно летописному преданию, сделал из его черепа чашу для пиров. По летописи, якобы предупреждал врагов, сообщая им перед нападением „Иду на вы“. Н а с а д ы — речные суда, лодки (стар.)» [Хлебников, 1936, с. 499; 1940, с. 235]. Вряд ли ко времени создания «Всадников» Соснора был знаком с первыми публикациями в редких футуристических сборниках, но знакомство с посмертными

изданиями, подготовленными Н. Л. Степановым [Хлебников, 1930; 1936; 1940], представляется весьма вероятным. В том же втором томе «Собрания» имя Святослава кратко комментировалось в связи с его репликой из «сверхповести» «Дети выдры» (1911–1913), изданной в 1915 г. в сборнике «Рыкающий Парнас»: «С в я т о с л а в — киевский князь (X в.), воевавший с греками, убитый и обезглавленный на днепровских порогах Печенегами. Он, по летописи, всегда предупреждал врагов, сообщая им „Иду на вы!“» [Хлебников, 1930, с. 315]. Другие реплики принадлежат Ганнибалу, Пугачеву, Ломоносову, Яну Гусу и другим историческим лицам, встретившимся в пространстве души автора («На острове вы. Зовется он Хлебников» [Там же, с. 178]). Князь Святослав в сверхповести произносит:

И снова, меж вас пролетая,
Вскрикну: «Иду я на вы!»
Горе: кайма золотая
Обвила пространство главы.
Чело, презиравшее неги,
И лоб, не знавший слов: страшно,
Налили вином печенеги
И пили так, славя мной брашно
[Там же, с. 176].

В самой форме стихотворения Сосноры можно усмотреть полемику с формой этой реплики. Если в «Кубке печенежском» почти безраздельно доминирует хорей, Святослав в сверхповести говорит трехсложником (контаминация дактиля и амфибрахия). Форма стихотворения Сосноры непрямо соотносится с формой этой реплики: «За Изюмским бугром» написано третьим из возможных, не встречающимся у Хлебникова в связи с печенежской темой трехсложным размером — двустопным анапестом со сплошными мужскими окончаниями и тщательно продуманным распределением сверхсхемных ударений (см. об этом: [Ковалева, Лоцилов, 2026]). Графика и изощренные звуковые и ритмические инкрустации, как это нередко случается во «Всадниках», камуфлируют традиционный поэтический размер. Форма стихотворения способна напомнить

о распространении размера в советской поэзии, в частности, песенной³, но она отличается от советского песенного анапеста тщательной и новаторской аллитерационной и ритмической «проработкой», напоминающей о поэтической технике Хлебникова, молодого Асеева и Маяковского. Сквозь регрессивный «советский» слой просвечивает русская традиция песенного анапеста, идущая от «Нынче ночью к себе...» Алексея Кольцова (1842) и «Элегии» Александра Аммосова (1858), легшей в основу песни «Хасбулат удалой»⁴. Забавным образом текст стихотворения Виктора Сосноры «За Изюмским бугром» без труда может быть исполнен на мотив песни о Хасбулате, популярной со времени большой Кавказской войны 1817–1864 гг.:

«Хас-Булат удалой!
Бедна сакля твоя;
Золотою казной
Я осыплю тебя. <...>

Дам старее тебя
Тебе шашку с клеймом,
Дам лихого коня
С кабардинским тавром. <...>

Мне она отдалась
До последнего дня
И аллахом клялась,
Что не любит тебя!»

[Поэты..., 1968, с. 627–628.].

Эти ассоциации сообщают «Всадникам» эстетический эффект бурлеска («ироикомиической поэмы»): размер и некоторые обороты («получился просчет»; «не слабец и не трус», «четкий овал») комически «модернизируют» рассказ о героических событиях исторического прошлого.

³ Ср., например, стихотворение Виктора Бокова «Молодой агроном» («Выходил на поля / Молодой агроном...», 1953 [Боков, 1984, с. 18]).

⁴ Г. М. Кружков отметил близость этой «элегии» к балладному жанру, а также присутствие в семантическом ореоле двустопного анапеста с мужскими окончаниями, с рифмой и без, ассоциаций с «народной песней, разгульем, удалью молодецкой» [Кружков, 2017, с. 71–72].

Вместе с тем складывается, и складывается всерьез, историческая перспектива: большие войны, до, во время и после которых поэты слагают стихи и песни.

Как было убедительно показано в статье М. И. Шапира «Что такое авангард?» [Шапир, 1990], в этой художественной парадигме на первый план выдвигается не семантика и не синтагматика, но прагматика текста: текст призван «рассечь» читателей на тех, кто принял, и на тех, кто не принял, кто понял и кто не понял намека, «своих» и «чужих». Можно представить себе читателя с относительно «девственной» литературной памятью, для которого стихотворения «Всадников» — рассказы или картинки из жизни Древней Руси, не вызывающие конкретных воспоминаний о других текстах. Такой читатель, даже если он настроен доброжелательно, — «чужой». «Свой» читатель в нашем случае возможен двух типов: тот, который вспомнит рассказ о чаше из черепа Святослава из ПВЛ (хотя бы в школьном изложении), и тот, который вспомнит о стихотворении Хлебникова. В 1959–1962 гг., когда создавался цикл, таких читателей было значительно меньше, чем сейчас, когда Хлебников обрел статус классика, и опознание этого «культурного пароля» было еще ценнее. Как бы «вдвойне своим» будет такой читатель, который вспомнит и ПВЛ, и, ощутив в стихотворениях цикла дух авангарда, — стихи Хлебникова, а возможно, и его предшественников в интерпретации образа чаши из черепа Святослава: Алексея Мерзлякова, Кондратия Рылеева, Валерия Брюсова; в таком случае стихотворение становится своеобразным «палимпсестом» литературной и исторической памяти.

Так или иначе, «свой», как и «совсем свой», читатель встречается с сюжетом о чаше из черепа князя Святослава в «Январском ливне» в композиционном центре цикла или же, как со своего рода фантомным, призрачным эпиграфом ко всему циклу, в версии «Всадников». Это, как нам кажется, очень точно соответствует представлениям поэта о творчестве как о «соавторстве с мертвыми». Соснора писал в дневнике: «Глубокая ошибка — говорить обо мне и Хлебникове. Мир Хлебникова открылся для меня не более, чем мир Блока. Вообще я чувствовал не влияние, а свое соавторство с Гомером, Катуллом, Гамлетом, Героем нашего времени, в какой-то мере с Фаустом и т. д. Соавторство не влияние. Например, со Словом о полку и <в> фольклоре. <...> Я чувствую соавторство с каждой книгой, имеющей отклик у моего организма. <...> Начнем с того, что у меня нет кумира, ни один Бог мне не кумир, ни один ч<елове>к — тем

более. Ни один поэт мне не ярлык. Скажем так: я брал с каждого Бога и с каждого поэта — ясак. Поскольку этим ясаком я очищал его до скелета, он переставал существовать для меня. Но они мертвецы. Я живой»⁵.

На мысль о неполной проявленности образа «чаши из черепа», о его призрачном или полупризрачном характере, необходимом на пороге или в центре текстового ансамбля, Соснору также могло навести сотворческое чтение еще одного стихотворения Хлебникова — «Тихий дух от яблонь веет...» (1915), впервые, как и «Написанное до войны» («Кубок печенежский»), напечатанного в сборнике «Четыре птицы» (под редакторским названием «Звучизм 2-й») и также вошедшего во второй том «Собрания». В его лексиконе присутствуют слова лишь «череп» и «печенег», а ассоциативная связь с заздравной «чашей» возникает исключительно благодаря памяти о сюжете из ПВЛ:

* * *

Тихий дух от яблонь веет,
Белых яблонь и черемух.
То боярыня говееет
И боится сделать промах.
Плывут мертвецы.
Эта ночь. Так было славно.
Гребут мертвецы.
И хладные взоры за белым холстом
Палят и сверкают.
И скроют могильные тени
Прекрасную соль поцелуя.
Лишь только о лестниц ступени
Ударят полночные струи,
Виденье растает.
Поют о простом: «Алла бисмулла».
А потом, свой череп бросаючи в море,
Исчезнут в морском разговоре.
Белый снег и всюду нега,

⁵ Соснора В. А. Дневниковые записи, рисунки (г. Марсель, Франция). Автограф, б., гуашь, шарик. ручка. 1996 (ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-824. Оп. 1. Д. 7. Л. 26).

Точно гладит Ярославна
Голубого печенега
[Хлебников, 1930, с. 219] ⁶.

Об этом «сложном, завораживающем» (по определению Х. Барана) стихотворении П. И. Тартаковский писал: «Собственно, начало и конец его — это некая реальная „русская рама“, в которую помещено фантастическое видение... <...> ...„Боярыня“ экспозиции не случайно обращается в Ярославну, а белый цвет яблонь и черемух, напоминающий снег, вызывает в сознании художника неожиданную ассоциацию с „печенегом“, которого гладит ее рука. В этом поэтическом мире, воплощающем „единство“ русской национальной героини и извечного восточного недруга Руси, не просто соединены реальное и фантастическое, но сделана попытка сблизить в сознании читателя то, что всегда было антитетично, — Запад и Восток... <...> И весьма важно, что символ этот, воплощенный в образе „печенега“, обретает в завершающем двестишести стихотворения характер отнюдь не враждебный образу „западному“. Этому содействует не только ласковый глагол („гладит Ярославна“), но и соответствующий цветовой эпитет („голубого печенега“), закрепляющий своей традиционной „положительной“ тональностью эмоциональное ощущение дружеского жеста, художественно необходимого здесь Хлебникову» [Тартаковский, 2000, с. 598–600].

В стихотворении «За Изюмским бугром» можно увидеть, таким образом, модель общей композиции «древнерусского» цикла Сосноры. Тающий, уходящий, призрачный образ печенега вызывает к жизни образ Ярославны, жены князя Игоря Святославича, которой принадлежит известный лирический монолог «Слова о полку Игореве» — «Плач Ярославны». «Слово...» — еще один, наряду с ПВЛ, источник цикла. В версии «Всадников» поэтическая переработка, с показательной тавтологичностью названная «Слово о полку Игореве (по мотивам „Слова о полку Игореве“», стала его композиционным центром и средоточием смыслов [Соснора, 1969, с. 53–82]. Видимо, неслучайно ему предшествует стихотворение «Вот и рядом...» [Там же, с. 51–53], в котором появляется образ

⁶ В современных изданиях стихотворение публикуется в другой редакции.

Ефросиньи Ярославны⁷ («Правда, / ты печальной Ефросиньей / обо мне в Путивле причитала?»), предвосхищая события «Слова...».

В «Слове о полку Игореве» Сосноры читателю «Всадников» дана еще одна возможность «встречи» с образом «чаши из черепа». После упреков Святослава Игорю и Всеволоду в его «золотом слове»⁸ следует обращение к одному из князей, Всеволоду Юрьевичу Владимиро-Суздальскому, по позднему прозвищу — «Большое гнездо», с призывом выступить на защиту Руси⁹. В версии Сосноры оно звучит так:

Великий князь Всеволод Суздальский!

Ты над своими чарками дрожишь,
а мог бы,
бросив чарки-черепа,
разбрызгать Волгу веслами дружин
и Дон

до дна

ладонью

расчерпать!

[Соснора, 1969, с. 71].

⁷ Как указал Л. А. Дмитриев, имя Ефросинья, закрепившееся за Ярославной, впервые «появилось во вступительной заметке к переводу „Слова...“, дошедшей до нас в трех списках XVIII в. В печати оно было приведено в „Родословнике князей великих и удельных рода Рюрикова“, являвшемся 5-й частью „Записок касательно Российской истории“ Екатерины II, откуда и попало в комментарии к первому изданию» [Энциклопедия..., 1995, с. 295]. Однако точных доказательств того, что Ярославну звали Ефросиньей, нет.

⁸ Приблизительный подсчет с помощью функции «Статистика» в программе Microsoft Word (в знаках с пробелами, округленных до сотен) показывает, что «золотое сечение» в переложении Сосноры приходится как раз на начало «золотого слова» Святослава, в частности на строки «Ты, Игорь, / вспылчивая голова! / Ты, Всеволод! / Бог боя и стола!» (9 800 от общего объема 15 500).

⁹ Нет единого мнения, является ли это обращение продолжением «золотого слова» Святослава или же в дальнейших обращениях к князьям мысль развивает автор «Слова о полку Игореве» (о границах «золотого слова» см.: [Слово, 1950, с. 432]).

Упоминание «чарок-черепов» «свой» читатель может услышать как своеобразное эхо, проявленный отголосок рассматриваемого нами «скрытого» сюжета, который станет подтверждением его присутствия, и, возможно, даст отсылку к более широкому контексту произведений, содержащих вариации образа «чаши из черепа». Читатель, не встречавшийся с сюжетом ранее, может «распознать» его здесь.

Появившегося у Сосноры в обращении к князю Всеволоду образа «чарок-черепов» в древнерусском сочинении нет. В этом месте памятника говорится: «Великий княже Всеволоде! / Не мыслию ти прелетѣти издалеца / отня злата стола поблюсти? Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, / а Донъ шеломы выльяти» [Слово, 1950, с. 21]¹⁰. В тексте идет речь о Киевском столе — «отчем» для Всеволода Юрьевича, так как на нем сидел его дед Владимир Мономах, а отец Юрий Долгорукий всю жизнь его добивался. Но Всеволод не интересовался Киевом, стремясь утвердить значение центра Руси за Владимиром. Он был одним из самых сильных русских князей XI–XIII вв., первым принявшим титул великого князя (см. подробнее о кн. Всеволоде: [Там же, с. 436]). Созданный Соснорой образ князя, дрожащего над «чарками-черепами», пиршественными чашами, создает намек на его могущество, многих поверженных сильных врагов, богатство и способен вызвать в памяти строку Пушкина: «Там царь Кашей над златом чахнет». В тексте памятника могущество Всеволода описывается другими символическими образами: он может «Волгу веслы раскропити, / а Донъ шеломы выльяти». В Древней Руси испить воды из реки шлемом было символом победы; в «Слове...» он «слит с образом многочисленности воинов Всеволода: их столько, что если они начнут пить из Дона, — они выпьют из него всю воду; их так много, что если они сядут за весла, то они расплескают всю воду в Волге» [Там же, с. 437]. В этом месте текста Соснора следует за древнерусским автором, но в его поэтической интерпретации Всеволод мог бы Дон не «шеломы выльяти», а «ладонью расчерпать». Возможно, поэт отказался от образа воинского шлема из-за смыслового дублирования значения «чаши из черепа», так как шлем обеспечивал защиту головы воина и использовался

¹⁰ «Великий князь Всеволод! Неужели и мысленно тебе не прилететь издалека / отчий золотой стол поблюсти? / Ты ведь можеша Волгу веслами расплескать, / а Дон шлемами вычерпать!» [Слово, 1950, с. 65].

как чаша для питья (в западной культуре шлем воина может, например, символизировать Святой Грааль). Однако внимательный читатель, помнящий выражение «испить шеломом Дону», может обнаружить «подмену» в поэтическом тексте и достроить недостающие смыслы самостоятельно.

Наконец, возвращаясь к Хлебникову, можно предположить если не влияние, то учет и его теоретических построений. В статье «Наша основа» (1919), опубликованной впервые в харьковском сборнике «Лирень» (1920) и включенной в пятый том «Собрания», слова «чаша» и «череп» предстают как своего рода синонимы — благодаря фантастической интерпретации семантики начальной буквы «ч»: «...если собрать все слова с первым звуком Ч (чаша, череп, чан, чулок и т. д.), то все остальные звуки друг друга уничтожат, и то общее значение, какое есть у этих слов, и будет значением Ч. Сравнивая эти слова на Ч, мы видим, что все они значат „одно тело в оболочке другого“; Ч — значит „оболочка“» [Хлебников, 1933, с. 235].

Поэтика Сосноры позволяет читателю стать соавтором и достраивать «недостающие» сюжеты. Это один из главных принципов «жизни» этих текстов.

Список литературы

Боков В. Ф. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1984. 462 с.

Бурлюк Д. «Фрагменты из воспоминаний футуриста». Письма. Стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. 383 с.

Гампер Г. Слово о друге // Портрет пришельца: воспоминания о Викторе Сосноре / Сост. Т. В. Соснора. М. — СПб.: «Руграм» / «Пальмира», 2025. С. 232–236.

Киселева М. В. Русские и печенеги: от конфликта к конфедерации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 7. С. 321–326.

Ковалева Т. И., Лоцилов И. Е. «Древнерусский» цикл Виктора Сосноры: варианты названия («Голь перекатная», «За Изюмским бугром», «Всадники») // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 25 / Гл. ред. О. А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2026 (В печати).

Кружков Г. М. «Разобьется лампада...»: к вопросу о семантическом ореоле двустопного анапеста (Эссе) // Новая Юность. 2017. № 1. С. 70–82.

Кузнецова Е. В. Образ «чаши из черепа» в поэзии русского модернизма // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2017. № 2. С. 93–121.

Липец Р. С. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.) // Этническая история и фольклор. М.: Наука, 1977. С. 217–257.

Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Похвала щедрости, чаша из черепа, золотая луда... Контурсы русско-варяжского культурного взаимодействия / 2-е изд., исправл. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. 192 с.

ПВЛ — Повесть временных лет: В 2 ч. / Подгот. текста Д. С. Лихачева, пер. Д. С. Лихачева, Б. А. Романова; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. — Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950 (Сер. «Литературные памятники»). 404 с.; 556 с.

Поэты 1860-х годов / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. И. Г. Ямпольского. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1968 (Библиотека поэта. Малая серия). 764 с.

Слово о полку Игореве / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц; коммент. Д. С. Лихачева. М. — Л.: АН СССР, 1950. 484 с. (Сер. «Литературные памятники»).

Соснора В. А. Январский ливень. М. — Л.: Советский писатель, 1962. 100 с.

Соснора В. А. Всадники. Л.: Лениздат, 1969. 112 с.

Тартаковский П. И. Социально-эстетический опыт народов Востока и поэзия В. Хлебникова, 1900–1910 гг. Ташкент: Фан, 1987. 249 с.

Тартаковский П. И. «Колумб новых поэтических материков» // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998). М.: Языки русской культуры, 2000 (Язык. Семиотика. Культура). С. 585–600.

Хлебников В. Собрание произведений: [В 5 т.]. Т. 2: Творения. 1906–1916 / Ред. текста Н. Л. Степанова; общ. ред. Ю. Н. Тынянова и Н. Л. Степанова. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1930. 328 с.

Хлебников В. Собрание произведений: [В 5 т.]. Т. 5: Стихи, проза, статьи, записная книжка, письма, дневник / Ред. текста Н. Л. Степанова; общ. ред. Ю. Н. Тынянова и Н. Л. Степанова. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1933. 376 с.

Хлебников В. Избранные стихотворения / Ред., биограф. очерк и прим. Н. Л. Степанова. М.: Советский писатель, 1936. 507 с.

Хлебников В. Стихотворения / Вступ. ст. ред. и примеч. Н. Л. Степанова. Л.: Советский писатель, 1940 (Библиотека поэта. Малая серия. № 59). 242 с.

Шанир М. И. Что такое авангард? // Даугава (Рига). 1990. № 10. С. 3–6.

Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. Т. 5. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. 399 с.

References

Bokov V. F. *Sobranie sochinenii* [Collected works]: V 3 t. T. 3. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1983. 462 p. (in Russ.)

Burlyuk D. «Fragmenti iz vospominanii futurista». *Pisma. Stikhotvoreniya* [“Fragments from the memories of a futurist.” Letters. Poems]. Saint Petersburg, Pushkinskii fond, 1994. 383 p. (in Russ.)

Gamper G. Slovo o druze [A word about a friend]. In: *Portret prisheltsa: vospominaniya o Viktor Sosenore* [Portrait of an alien: memories of Viktor Sosnora], sost. T. V. Sosnora. Moscow; Saint Petersburg, “Rugram,” “Palmira” Publ., 2025. pp. 232–236. (in Russ.)

Entsiklopediia «Slova o polku Igoreve»: V 5 t. T. 5 [Encyclopedia of “The song of Igor’s campaign,” in 5 vols., vol. 5]. Saint Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1995. 399 p. (in Russ.)

Khlebnikov V. *Sobranie proizvedenii*: [V 5 t.]. T. 2: *Tvoreniya. 1906–1916* [Collected works, in 5 vols. Vol. 2: Works. 1906–1916], red. teksta N. L. Stepanova; obshch. red. Yu. N. Tinyanova i N. L. Stepanova. Leningrad, Izdatelstvo pisatelei v Leningrade, 1930. 328 p. (in Russ.)

Khlebnikov V. *Sobranie proizvedenii*: [V 5 t.]. T. 5: *Stikhi, proza, stati, zapisnaya knizhka, pisma, dnevnik* [Collected works, in 5 vols. Vol. 5: Poetry, prose, articles, notebook, letters, diary], red. teksta N. L. Stepanova; obshch. red. Yu. N. Tinyanova i N. L. Stepanova. Leningrad, Izdatelstvo pisatelei v Leningrade, 1933. 376 p. (in Russ.)

Khlebnikov V. *Izbrannii stikhotvoreniya* [Selected poems], red., biogr. ocherk i prim. N. L. Stepanova. Moscow, Sovetskii pisatel’, 1936, 507 p. (in Russ.)

Khlebnikov V. *Stikhotvoreniya* [Poems], vstup. st. red. i primech. N. L. Stepanova. Leningrad, Sovetskii pisatel’, 1940 (Библиотека поэта, малая серия, no. 59). 242 p. (in Russ.)

Kiseleva M. V. Russkie i pechenegi: ot konflikta k konfederatsii [Russians and the Pechenegs: from conflict to confederation]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnie nauki»* [Bulletin of Tambov University. Series “Humanities”], 2008, no. 7, pp. 321–326. (in Russ.)

Kovaleva T. I., Loshchilov I. Ye. «Drevnerusskii» tsikl Viktora Sosnori: varianti nazvaniya («Gol perekatnaya», «Za Izyumskim bugrom», «Vsadniki») [“Old Russian” cycle by Viktor Sosnora: title variations (“Gol perekatnaya,” “Behind the Izyum hill,” “The riders”)]. *Germenevika drevnerusskoi literaturi. Sbornik 25* [Hermeneutics of Old Russian literature. Collection 25], gl. red. O. A. Tufanova. Moscow, IMLIRAN, 2026 (V pechati). (in Russ.)

Kruzhkov G. M. «Razobetsya lampada...»: k voprosu o semanticheskom oreole dvustopnogo anapesta (Esse) [“The lamp will break...”: about the semantic aura of the two-foot anapest (Essay)]. *Novaya Yunost* [The New Youth], 2017, no. 1, pp. 70–82. (in Russ.)

Kuznetsova Ye. V. Obraz «chashi iz cherepa» v poezii russkogo modernizma [The image of the “skull cup” in the poetry of Russian Modernism]. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazikoznanie. Kulturologiya»* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies”], 2017, no. 2, pp. 93–121. (in Russ.)

Lipets R. S. Otrazhenie etnokulturnikh svyazei Kievskoi Rusi v skazaniyakh o Svyatoslave Igoreviche (X v.) [Reflection of the ethnocultural ties of Kievan Rus’ in the tales of Svyatoslav Igorevich (10th century)]. *Etnicheskaya istoriya i folklore* [Ethnic History and Folklore]. Moscow, Nauka, 1977. Pp. 217–257. (in Russ.)

Litvina A. F., Uspenskii F. B. Pokhvala shchedrosti, chasha iz cherepa, zolotaya luda... Konturi russko-varyazhskogo kulturnogo vzaimodeistviya [Praise of generosity, a skull cup, a golden cape... Contours of Russian-Varangian cultural interaction], 2-e izd., ispravl. Moscow, Izdatelskii dom Visshei shkoli ekonomiki, 2019. 192 p. (in Russ.)

Poeti 1860-kh godov [Poets of the 1860s], vstup. st., podgot. teksta i primech. I. G. Yampolskogo. Leningrad, Sovetskii pisatel, Leningradskoe otdelenie, 1968 (Biblioteka poeta, malaya seriya). 764 p. (in Russ.)

PVL — Povest vremennikh let: V 2 ch. [The Russian primary chronicle, in 2 pts.], podgot. teksta D. S. Likhacheva, per. D. S. Likhacheva, B. A. Romanova; pod red. V. P. Adrianovoi-Peretts. Moscow; Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1950 (Ser. «Literaturnye pamjatniki»). 404 p., 556 p. (in Russ.)

Shapir M. I. Chto takoe avangard? [What is the Avant-garde?]. *Daugava* (Riga), 1990, no. 10, pp. 3–6. (in Russ.)

Slovo o polku Iгореve [The song of Igor's campaign], pod red. V. P. Adrianovoj-Peretz; komment. D. S. Lihacheva. Moscow; Leningrad, AN SSSR, 1950. 484 p. (Ser. «Literaturnye pamjatniki»). (in Russ.)

Sosnora V. A. Yanvarskii liven [January shower]. Moscow; Leningrad, Sovetskii pisatel, 1962. 100 p. (in Russ.)

Sosnora V. A. Vsadniki [The riders]. Leningrad, Lenizdat, 1969. 112 p. (in Russ.)

Tartakovskii P. I. Sotsialno-esteticheskii opit narodov Vostoka i poeziya V. Khlebnikova, 1900–1910 gg. [Social and aesthetic experience of the peoples of the East and the poetry of V. Khlebnikov, 1900–1910]. Tashkent, Fan, 1987, 249 p. (in Russ.)

Tartakovskii P. I. «Kolumb novikh poeticheskikh materikov» [“Columbus of new poetic continents”]. In: *Mir Velimira Khlebnikova: Stati. Issledovaniya* (1911–1998) [The world of Velimir Khlebnikov: Articles. Research (1911–1998)]. Moscow, Yaziki russkoi kulturi, 2000 (Yazik. Semiotika. Kultura). Pp. 585–600. (in Russ.)

Информация об авторах

Татьяна Ивановна Ковалева, кандидат филологических наук

Игорь Евгеньевич Лоцилов, кандидат филологических наук

Information about the Authors

Tatiana I. Kovaleva, Candidate of Sciences (Philology)

Igor E. Loshchilov, Candidate of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 19.02.2026;

одобрена после рецензирования 20.03.2026; принята к публикации 27.04.2026

The article was submitted on 19.02.2026;

approved after reviewing on 20.03.2026; accepted for publication on 27.04.2026